

Lukinova, Tetjana Borysivna

Из истории числительных в славянских языках

Opera Slavica. 1999, vol. 9, iss. 2, pp. 1-9

ISSN 1211-7676

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/117092>

Access Date: 05. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ИЗ ИСТОРИИ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Т. Б. Лукинова (Киев)

Как лексико-грамматический класс слов числительные имеют свою отчетливо выраженную специфику, проявляющуюся и в их семантике, и в функционировании, и в синтаксических связях, и даже в графической передаче – в отличие от других слов, звуковой состав которых передается буквами, числительные могут фиксироваться также в виде цифр, причем эти цифровые знаки являются интернациональными.

Становление числительных как части речи в основных его чертах прослеживается по памятникам. Особенности семантики и функций ряда слов – существительных, прилагательных, местоимений – привели к утрате ими некоторых свойственных им ранее категорий (прежде всего категорий рода и числа) и определенной перестройке падежных парадигм (в направлении унификации форм). Более древняя, дописьменная история числительных – или слов, которые со временем сформировались как числительные – может быть частично реконструирована с помощью сравнительно-исторического метода. Историческое и сравнительно-историческое изучение числительных помогает пояснить многое из того, что составляет особенности современных названий числа и количества, отследить последовательность формирования отдельных звеньев их системы, установить древнейшие взаимоотношения этих звеньев между собой, а также с некоторыми лексико-словообразовательными группами других частей речи. В этом плане сделано уже немало. Однако изложение соответствующего материала в некоторых грамматиках, а особенно в учебниках и учебных пособиях оказывается не всегда адекватным тому, что установлено научными изысканиями.

Отметим несколько таких моментов, когда освещение фактов в грамматиках и пособиях следует привести в соответствие с тем, что установлено лингвистической наукой.

Так, ошибочным является общее утверждение о том, что порядковые числительные (или, как их еще иногда называют, порядковые прилагательные, или счетно-порядковые слова)¹ являются производными от соот-

ветствующих количественных. Например, в пособии по украинскому языку для студентов утверждается: «Порядковые числительные образуются от основ количественных числительных при помощи окончаний *-ий, -а, -е* прилагательных твердой группы без особого суффикса при отвердении конечного согласного основы».¹

Основания для такого утверждения, переходящего из учебника в учебник, дает тот бесспорный факт, что в современном языке семантически и функционально главной является система количественных числительных, порядковые же в целом воспринимаются как второстепенные образования. Кроме того, порядковые второго десятка и последующие (в том числе от названий десятков и сотен) действительно образуются от количественных: укр. *одинадцятий* – от *одинадцять*, *двадцятий* – от *двадцять*, *трьохсотий* – от *триста* и т. п. Но совсем иначе обстоит дело с порядковыми первого десятка: исторически *п'ятий* – *дев'ятий* древнее соответствующих количественных, поскольку последние возникли на праславянской почве, тогда как для порядковых *п'ятий* – *дев'ятий* (и, возможно, для количественного *десять*) устанавливается праиндоевропейская древность, они входят в число древнейших славянских образований с корнями числительных.²

Соотношение между порядковыми *п'ятий* – *дев'ятий* и количественными *п'ять* – *дев'ять* такое же, как и между украинскими прилагательными *молодий, лютий, синій, юний* и под. и производными от них существительными с абстрактно-собирательным значением *молодь, лють, синь, юнь*. Ср. также русск. *новый* – *новь*, *черный* – *чернь*, *зеленый* – *зелень*, *твердый* – *твердь*, *нечистый* – *нечисть*, белор. *чырвоны* – *чырвань*, *сухі* – *суш* и др. У существительных, в отличие от количественных числительных, вторичность их происхождения по сравнению с прилагательными ощущается более отчетливо.

Формально такое же отношение было в древнерусском языке и между порядковыми *третий, четвертый* и существительными *треть, четверть* (ср. и современные русские *третий* – *треть*, *четвертый* – *четверть*),

¹ Сучасна українська мова. К., 1991, с. 221. См. также: Беларуская граматыка. Ч. I. – Мінск, 1985, с. 321; *Розенталь, Д. Э., Голуб, И. Б., Теленкова, М. А.*: Современный русский язык. – М. 1995, с. 269 – и др.

² См., напр., «Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов». Под ред. А. С. Мельничука. К., 1966, с. 196, а также: *Лукинова, Т. Б.*: Сравнительно-историческому изучению словообразования славянских числительных. – В кн.: Структура і розвиток слов'янських мов. – К., 1967, с. 63 – и др.

но семантически последние, обозначая дробовые величины («третья часть», «четвертая часть»), не входили в ряд количественных; как количественные функционировали (и функционируют) бывшие прилагательные *трик, четыре* (через праславянские формы они также восходят к индоевропейским).

Современное соотношение *п'ятий – п'ять* (как и укр. *молодий – молодь*) восходит к праславянскому соотношению *ǫ*-основ и *ī*-основ: **pęť – *pęťь* (подобно псл. **golь* «голый» – **golьь*).³

Памятники свидетельствуют о былом разнообразии способов образования порядковых второго десятка, а также соответствующих названиям десятков, сотен и т. д. Так, наряду с образованиями, свойственными современному украинскому языку, в древнерусских и украинских памятниках можно встретить и такие конструкции: *въ ѡдинныи на десѣте часъ* (Изб. 1076, с. 127), *пе(р)вогона(д)ца(т) дна* (АЖ, с. 54), *глава вторанадеса(т)* (ПЕ, с. 174), *тысячегѡ трисот шістьцѣтѡго шестѡго* (П, с. 40), *тысячѡго трѣхъ сотнѡго осмѣдесѣт осѡмогѡ годѡ* (там же, с. 91) и т. п. Сходную картину представляют памятники других славянских языков.⁴

Таким образом, излагая вопрос о происхождении порядковых числительных (прилагательных), следует разграничивать порядковые первого десятка от всех других, указывая на различия в их образовании.

Существенных уточнений требует также освещение в грамматиках и учебниках семантики так называемых собирательных числительных (укр. *збірні числівники*, белор. *зборныя лічэбнікі*, русск. *собирательные числительные*, польск. *liczebniki zbiorowe*, слц. *skupinové číslovky*). Установилась традиция определять их как образования, обозначающие «количество предметов как одно целое».⁵

Однако в современных восточнославянских языках, как и в польском и словацком, никакой собирательности числительные типа *двоє, пятеро* не выражают. По сравнению со словосочетаниями, например, укр. *чотири вершинки, шість делегатів, десять спортсменок* ни малейшего дополнительного оттенка собирательности в сочетаниях *четверо вершини-*

³ См. Бернштейн, С. Б.: Очерк сравнительной грамматики славянских языков. – М., 1974, с. 272.

⁴ См. напр., Черных, П. Я.: Историческая грамматика русского языка. – М., 1952, с. 210.

⁵ Українська мова, 1989, с. 96. См. также: Костромина, Н. В., Николаева, А. К. и др.: Русский язык. Ч. II. М.: «Просвещение», 1989, с. 103; Розенталь, Д. Э. и др., указ. работа, с. 268; Дудников, А. В.: Современный русский язык. – М., 1990, с. 242, 246 – и др.

ків, шестеро делегатів, десятеро спортсменок не имеется. То же можно сказать о русск. *двое военных, четверо рабочих* и под. По своей семантике последние полностью синонимичны первым.

Что же представляют собой эти так называемые собирательные числительные, когда и как они образованы? Ответы на эти вопросы может дать лишь анализ форм на *-oe, -ero*, во-первых, в памятниках древнерусского и украинского языков, а во-вторых – в других славянских языках и в их истории – то есть сравнительно-историческое исследование соответствующих языковых фактов.

Памятники древнерусского языка свидетельствуют о том, что существовали числительные *дъвои, дъвои, дъвое, трои, троа, троє...*, *патерь, патера, патеро ...*, которые употреблялись тогда, когда речь шла о том или ином количестве предметов разных, неоднородных, чем-то несхожих между собою (Ф. Миклошич, анализируя подобные образования в славянских языках, назвал такие числительные дистрибутивными)⁶: *двои люди, едины смѣющеса, а дрѣгын плачющеса* (Срезн. I 641), и *выс(ть) людемъ двоа радость и въскр(е)сенне г(оспод)не и кн(та) же сѣдѣние* (СРЯ XI – XVII 184), *овои живѣи и м(е)ртви* (Срезн. II 532), *оставите коупно расти овок (пѣвель и пышеницѣ) до жатвы* (там же 531), *грамоты двои или трои или патеры на водѣ землю* (там же III, 1001).

Есть примеры употребления форм на *-oe, -er-* и в тех случаях, когда указывалось на количество групп предметов, в том числе их пар: *двои оковы* (Срезн. I 641; – об оковах для рук и ног), *трои пчелы* (там же III 1001; – о трех пчелиных семьях); возможны были эти формы при существительных *pluralia tantum*: *двѣтеры дѣвери* (СРЯ XI – XVII 199) – и под.

Следует отметить, что в древнерусских памятниках имеются также примеры, где формы на *-oe, -er-* синонимичны количественным числительным: с *троѣ* или с *четыры пригъръци* (Усп. сб., с. 116).

Украинские памятники свидетельствуют, что числительные на *-oe, -er-* чаще всего употреблялись тогда, когда речь шла о количестве домашних животных, птицы или пчелиных семей: *свинѣи двое* (АО, с. 55), *взято троє товару рогатого* (АП, с. 53), *кля(ч) четверо* (АЖ, с. 56), *кони осмеро* (Р, с. 58), *овечек девятеро* (АБ, с. 81), *за трое курь* (АО,

⁶ Miklosich, F.: *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen*. B. IV. – Wien, 1883, p. 59–67.

с. 46), *зусіи п'ятеро* (там же, с. 55), *выдрано пчо(л) шестери* (АЖ, с. 45) и т. п.

Очевидно, употребительность собирательных числительных в сочетании с существительными подобной семантики можно объяснить тем, что при обозначении количества животных или птицы изначально важной была констатация неоднородности этого количества: в него входили животные разного возраста и пола (ср., например, прямые указания на возраст: *свине(и) велики(х) поро(с)ны(х) трое* (АЖ, с. 59), *вепро(в) третьяко(в) тро(х)* – АЖ, с. 59; *бычок тритяк* – АБ, с. 26) и др.

Фиксируют украинские памятники формы на *-ое*, *-ер-* и при существительных *pluralia tantum*: *портюк синѣх двоє* (АП, с. 29), *чере(з) трою двери* (АЖ, с. 50), а также в значении количественных при других существительных: *п'ятеро хлѣба* и *двѣ рыбѣ* (ПЕ, с. 67, 150, 150 об.), *рызь троѣ* (АБ, с. 66) и т. под.

В современном украинском литературном языке давний оттенок собирательности частично сохранился в семантике числительного *обоє*, ср. толкование его в «Словнику української мови»: «Употребляется для обозначения двух названных или известных лиц разного пола, возраста; и он, и она», пор. *Обоє вони, і чоловік, і жінка не були людьми лихими* (Кониський – ЛКІМ); однако возможно числительное *обоє* и при обозначении двух лиц одного пола: *Обоє, і писар, і старшина, вивалилися з саний у сніг* (Васильченко – ЛКІМ) – и под. Остальные собирательные семантически синонимичны, как отмечено выше, количественным.

Сходную картину функционирования собирательных числительных представляют русский, белорусский, польский, *словацкий* языки: на современном уровне формы на *-ое*, *-еро* употребляются, в основном, в значении количественных: ср. русск. *трое солдат, семеро козлят*, белор. *трое мужчын, васьмёра коней*, п. *pięcioro dzieci*, слц. *troje dievčat, štvoro ľudí*.

В белорусских памятниках, как и в украинских, собирательные числительные особенно часто выступают в сочетании с названиями животных, пчел: *коз пятеро* (XVI в., ГСБМ), *дев'ятеро жывотины* (XVI, там же), *пчолы шесторы* (XVI, там же) и т. под.

Польские и словацкие памятники свидетельствуют и о дистрибутивном значении собирательных числительных: п. *w dwoiey wodzie* (XVI

в., *Stp*), *syedmyorq prozba* (XV в., *St Stp*), сл. *cztwer osud, šestoro jedel* (*Stan.*). Ян Станислав называет их *rozčleňovacie číslovky*⁷.

Живой лексико-грамматической категорией являются дистрибутивные числительные в современных чешском, словенском и лужицких языках; они обозначают количество групп предметов или количество предметов разных, неоднородных: ч. *trojí sukno, paterý papír* (*druhové číslovky*), слн. *dvoje mleko, kiso in sladko*, влж. *dwoji woblek* «одежда двух разновидностей (рабочая и праздничная)», *džewjećora jědž* «девять разных блюд», нлж. *dwoje žěši* «сводные дети (разных родителей в одной семье)» и др. Именная форма среднего рода числительных на *-o-*, *-er-* употребляется в сербском и хорватском языках тогда, когда речь идет о количестве неодинаковых предметов или о лицах различного возраста или пола: серб. *четворо деце* (о детях разного пола), треба памтити *осморо* (о восьми разных вопросах или делах).

Современные болгарский и македонский языки совсем не знают собирательных числительных, но о том, что они когда-то были, говорят производные от них: болг. *двоица, четворица, троен, петерно*, макед. *двойка, четворка, петорен, седморен* и под.

Памятники старославянского языка фиксируют немногочисленные формы на *-oj-*, *-er-*⁸.

Из реконструируемых псл. **dyvojь, -ja, -je*; **trojь, -ja, -je ... petorь, -a, -o...* *desetorь, -a, -o* в современных языках наиболее употребительны именные формы среднего рода, хотя, напр., в чешском и лужицких языках функционируют и местоименные.

Более разнообразные формы фиксируются в памятниках и некоторых, особенно архаичных говорах тех языков, где теперь литературный узус их не допускает. Так, напр., до недавнего времени в украинских юго-западных говорах возможны были сочетания *троїї сватачі*, «сваты от трех женихов», *девѣтері косарі* «девять партий (групп) косцов» и под.⁹

Таким образом, факты говорят о том, что в славянских языках сфера употребления форм на *-oj-*, *-er-* значительно сузилась. Они отошли на периферию современной системы числительных (где основным является ряд количественных с параллельным ему рядом порядковых) и представ-

⁷ *Stanislav, J.*: Dejiny slovenského jazyka. II. Tvaroslovie. Bratislava, 1958, с. 366 и далее.

⁸ См. *Сунрун, А. Е.*: Старославянские числительные. – Фрунзе, 1961, с. 21–23.

⁹ *Дзэндзелиаський, Й. О.*: Спостереження над системою числівників говірок Закарпатської області. – Наукові записки Ужгородського держ. ун-ту. Т. XIV, 1955, с. 31.

ляют собой, по сути, лучше или хуже сохранившиеся в разных языках осколки старой, еще праславянской, более сложной системы названий числа и количества. По-видимому, в ней существовала оппозиция количественных имен с абстрактно-собирательной семантикой (ср. **petь* – **desetь*) и форм на *-oj-*, *-er-*, которые подчеркивали неоднородность предметов в названном количестве. Со временем первая часть оппозиции заняла лидирующее положение, тогда как вторая постепенно утратила актуальность. Даже в тех языках, где дистрибутивные числительные еще остаются живой категорией, их употребление ограничено образованиями преимущественно первого десятка (вообще для числительных очень характерно снижение частотности употребления с возрастанием числа¹⁰). Следует подчеркнуть также, что это языки, долгое время находившиеся в сфере сильного немецкого влияния (ср. нем. *dreierlei* «трех родов; тройкий», *fünferlei* «пяти родов, видов, сортов» и под.).

Сохранившиеся в восточнославянских языках, польском и словацком формы, продолжающие псл. **dvъjъ*, **petъ* и утратившие былое дистрибутивное значение, современными грамматиками называются собирательными числительными по традиции. Скорее всего, в восточнославянских языках термин заимствован из польского, где возник для обозначения форм, в которых собирательность еще в какой-то мере ощущалась (ср. в современном польском *oboje państwo* – о супругах). Но если во время создания названия «собирательные» какие-то основания, по-видимому, еще имелись, то теперь действует только своеобразная «магия» термина: раз числительные названы в грамматиках собирательными, значит нужно говорить (и говорят!) об их особой семантике собирательности.

Неверно освещаются и словообразовательные связи собирательных числительных. Так же, как и относительно порядковых, утверждается, что собирательные образованы от количественных.¹¹ Те же и психологические основания такого утверждения: периферийность собирательных в современном языке по отношению к количественным. Реально же, исторически собирательные являются очень древними, еще праславян-

¹⁰ Об этом см. Лукинова, Т. Б.: Система числівників в українській і чеській мовах. – В кн.: Зіставне дослідження української, чеської та російської мов. – К.: «Наукова думка», 1987, сс. 51–52.

¹¹ См., напр., Валгина, Н. С., Розенталь, Д. Э., Фомина, М. И.: Современный русский язык. – М., 1987, с. 204.

скими образованиями и возникли они иначе. Псл. **dъvoję*, **troję*, **oboję* формально, грамматически были соотносимы с местоимениями **тоję*, **твоję*, **svoję*, а **peterь* – **deseterь*, соотносимые, по-видимому, с местоимениями **koterь*, **jeterь* и обнаруживающие все признаки архаичного словообразования, были произведены от именных основ на *ō*, т. е. основ порядковых числительных.

Таким образом, старые связи имен, составивших современную систему числительных, наиболее надежно восстанавливаются благодаря особенностям их словообразования.

Список сокращений использованных источников:

- АБ Акты Бориспольского мейского уряда 1612–1699 гг. – К., «Киевская старина», 1892.
- АЖ Актова книга Житомирського міського уряду кінця XVI ст. (1582–1588 pp.). – К., 1965.
- АО Акты села Одрехови. – К., 1970.
- АП Пирятинські актові книги. «Стороженки, фамильный архив». Т. 6. – К., 1908.
- ГСБМ Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 1–13. – Мінск, 1982–1993.
- Изб. 1076 Изборник 1076. Изд. подгот. Голышенко В. С. и др. – М., 1965.
- ЛКІМ Лексична картотека Інституту мовознавства Національної Академії наук України. Київ.
- П Грамоти XIV ст. Упорядкування, вступ. стаття, комент. і словники-показчики Пешак М. М. К., 1974.
- ПЄ «Пересопницьке Євангеліє». 1556–1561. Рукопис (зберігається в ЦНБ НАН України).
- Р Южнорусские грамоты, собранные Влад. Розовым. Т. I. – К., 1917.
- СГ Смоленские грамоты XIII–XIV вв. – М., 1963.
- Срезн. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. – СПб., 1893–1912.
- СРЯ XI–XVII Словарь русского языка XI–XVII вв. В. 1–23. – М. 1975–1996.
- Усп. сб. Успенский сборник XII–XIII вв. – М., 1971.

- Słp. Słownik polszczyzny XVI wieku. T. I–X. – Wrocław –
Warszawa – Kraków, 1966–1976.
- SlStp Słownik staropolski. T. I–X. – Warszawa, 1953–1990.
- Stan. Stanislav J. Dejiny slovenského jazyka. II. – Bratislava,
1958.